

СФЕРА ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С КОНТРОЛЕМ

Лютикова Екатерина Анатольевна

МГУ им. М. В. Ломоносова / Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина / МПГУ, Россия

lyutikova2008@gmail.com

Татевосов Сергей Георгиевич

МГУ им. М. В. Ломоносова / МПГУ, Россия

tatevosov@gmail.com

EMBEDDED SCOPE IN RUSSIAN CONTROL CONSTRUCTIONS

Ekaterina Lyutikova

MSU / Pushkin State Russian Language Institute / MPSU, Russia

Sergei Tatevosov

MSU / MPSU, Russia

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждаются проблемные диагностики подъема / контроля в инфинитивных конструкциях с глаголами речи, среди которых — узкая сфера действия адресата, выраженного отрицательным или неопределенным местоимением, по отношению к инфинитивному обороту. Во-первых, мы представляем новые данные о русских инфинитивных конструкциях, свидетельствующие о том, что лицензирование отрицательных местоимений и других элементов с узкой сферой действия представляют собой два разных феномена. Во-вторых, мы предлагаем анализ обоих феноменов. Мы рассматриваем отрицательные местоимения в этих конфигурациях как отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO. Другие элементы с вложенной сферой действия лицензируются только в директивной конструкции, включающей в себя синтаксическую репрезентацию речевого акта и его участников.

ABSTRACT

The paper discusses controversial diagnostics of raising / control in Russian infinitival constructions with speech act matrix verbs that involve embedded scope of the Addressee argument expressed by negative and indefinite pronouns. Our contribution to the topic is twofold. First, we present new data from Russian infinitival constructions suggesting that *ni*-licensing and other embedded scope phenomena have to be treated apart. Secondly, we propose analyses for both of them. We argue that *ni*-pronouns are negative floating quantifiers construed with PRO. Other elements with embedded scope are licensed in the directive construction that involves syntactically represented speech act coordinates comprising Author and Addressee.

Ключевые слова: контроль; подъем; сфера действия; отрицательные кванторы; речевой акт; директивная конструкция; русский язык.

Keywords: control; raising; scope; negative quantifiers; speech act; directive construction; Russian.

* Работа над статьей велась в рамках проекта РФФИ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика» в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

1. Контроль и подъем в русских инфинитивных конструкциях

Актантные инфинитивные конструкции во многих языках, в том числе и в русском, характеризуются определенными ограничениями на выражение и референцию подлежащего: инфинитивный оборот часто не может иметь выраженного подлежащего, а подразумеваемое подлежащее референциально не свободно, но определенным образом соотносится с именной группой в главной клаузе. Так, в примерах (1a-b) подлежащее инфинитивного оборота соотнесено с подлежащим главной клаузы, а в (2a-b) — с дополнением главной клаузы.

- (1) a. Я хотел уехать.
b. Я мог уехать.
- (2) a. Доктор заставил его нырнуть... [НКРЯ]
b. Отец строго велел ему делать уроки. [НКРЯ]

Тип референциальной соотнесенности в актантных инфинитивах в общем случае задается синтаксическими характеристиками предиката главной клаузы (матричного предиката). От матричного предиката зависит также, какую синтаксическую имплементацию получает «отсутствующее» подлежащее инфинитивного оборота и его соотнесенность с аргументом в главной клаузе. Традиционно выделяется два семантико-синтаксических класса матричных предикатов (Rosenbaum 1965, Bresnan 1972, Chomsky 1973, Postal 1974, Chomsky 1981, Lasnik and Saito 1991): предикаты контроля, при которых реализуется конструкция с контролем выраженного нулевым местоимением PRO подлежащего инфинитивного оборота со стороны аргумента матричного предиката, ср. (3a), и предикаты подъема, при которых подлежащее инфинитивного оборота подвергается подъему в главную клаузу, оставляя после себя след (3b). При предикатах подъема возможны также конструкции, в которых подлежащее инфинитивного оборота остается *in situ*, однако управляется из главной клаузы — так называемые ЕСМ-конструкции, или конструкции с исключительным падежным маркированием (3c).

- (3) a. Bill persuaded **John_i** [PRO_i to leave].
b. Bill expected **John_i** [*t_i* to leave].

c. Bill expected [**John** to leave].

Существует целый ряд диагностик, позволяющих определить, строится ли конкретная синтаксическая конфигурация на основе контроля или подъема / ЕСМ. Наиболее универсальные из них приведены в Таблице 1.

Таблица 1.

Диагностики контроля и подъема

	Контроль	Подъем / ЕСМ
Селективные ограничения на соотнесенный аргумент главной клаузы	матричный и вложенный предикат	вложенный предикат
Подлежащно-глагольные идиомы	не допустимы	допустимы
Пассивизация в зависимой клаузе	влияет на условия истинности	не влияет на условия истинности
Сфера действия соотнесенного аргумента	главная клауза	главная и зависимая клауза

Далее в этой работе мы обратимся к проблеме синтаксической интерпретации русских актантных инфинитивных оборотов, соотносимых с дополнением матричного предиката, таких как в примерах (2a-b). Во многих предшествующих работах (см., например, Козинский 1985; Babby 1998; Lasnik 1998; Stepanov 2007; Летучий 2018) указывается, что эти конфигурации имеют свойства конструкций объектного контроля, то есть имеют синтаксическую структуру (3a). В пользу такого решения говорят различные диагностики. Во-первых, матричный предикат накладывает селективные ограничения на дополнение главной клаузы, ср. *Он вынудил друга / *письмо прийти вовремя*. Во-вторых, немногие имеющиеся в русском языке подлежащно-глагольные идиомы (напр., *жаба душит, крыша едет, головы полетят*) не могут быть использованы в таких конфигурациях в своем непрямом (идиоматическом) значении (*Я запрещаю жабе тебя душить* ≠ ‘Я запрещаю тебе жадничать’). Примеры из (Бурукина 2017) с матричными предикатами *помогать* и *мешать* (*Я не помешал чёрной кошке пробежать между ними*) также кажутся нам неидиоматичными. В-третьих, пассивизация в зависимой клаузе оказывает влияние на условия истинности предложения (*Я попросил психиатра обследовать пациента* ≠ *Я попросил пациента быть обследованным психиатром*). В-четвертых, при замене инфинитивного оборота проформой *это* дополнение главной клаузы сохраняется, а значит, не входит в инфинитивный оборот (Летучий 2018): *Врач запретил ему [нырять без очков] ~ Врач запретил ему [это]*.

Единственная диагностика, которая ведет себя противоположным образом и свидетельствует не в пользу объектного контроля, а в пользу подъема, — это сфера действия дополнения матричного предиката. Эти данные мы подробно рассмотрим в следующем разделе.

2. Сфера действия именной группы — адресата в инфинитивных конструкциях с контролем

В работах С. Минора (2008, 2011, 2013) отмечается, что ряд русских матричных предикатов, таких как *велеть*, *приказать*, *посоветовать* и др., допускают интерпретацию дативного дополнения (адресата) в составе инфинитивной клаузы. Вложенная сфера действия адресата демонстрируется С. Минором для следующих типов именных групп: квантифицированные именные группы (4), *нибудь*-местоимения (5) и отрицательные местоимения (6).

(4) Учитель велел **двум мальчикам** сбегать за помощью ($2 > \text{велел}$, $\text{велел} > 2$)

(5) Врач посоветовал **кому-нибудь** сходить за лекарствами ($*\exists > \text{посоветовал}$, $\text{посоветовал} > \exists$)

(6) Петя приказал **никому** сюда не заходить ($*\text{ни} > \text{приказал}$, $\text{приказал} > \text{ни}$)

Легко видеть, что в примерах (4)–(6) требуется, чтобы именная группа — адресат матричного предиката в начале деривации находился в зависимой клаузе. Действительно, предложение (4) неоднозначно, и при второй интерпретации — *учитель велел, чтобы (какие-то, любые) два мальчика сбегали за помощью* — именная группа *два мальчика* должна оказаться внутри сферы действия модального оператора, связанного с инфинитивным оборотом. *Нибудь*-местоимение, представленное в (5), лицензируется только в антиверидикативном контексте (ср. **Врач посоветовал кому-нибудь отдых*) и, следовательно, грамматичность (5) свидетельствует об исходной позиции адресата в составе зависимой клаузы. Наконец, *ни*-местоимения возможны только в клаузах с сентенциальным отрицанием (ср. **Петя приказал никому зайти*), а значит, в примере (6) местоимение *никому* лицензируется в инфинитивном обороте, содержащем отрицательную частицу *не*.

С. Минор предлагает анализировать рассматриваемые примеры как «смешанные конструкции», где именная группа с вложенной сферой действия возникает и остается в зависимой клаузе, однако управляется предикатом главной клаузы и получает от него падеж и семантическую роль. Таким образом, одна именная группа реализует семантические роли как вложенного, так и матричного предиката, чем и объясняются свойства, характерные для контроля.

Такой анализ обладает определенными недостатками. Во-первых, он требует нестандартного допущения, что тематические отношения могут устанавливаться в

нелокальной конфигурации. Во-вторых, как и при любых вариантах анализа контроля через подъем (Hornstein 1999), возникают сложности с интерпретацией частичного и разделенного контроля. Наконец, важнейшая, на наш взгляд, проблема состоит в том, что предлагаемый анализ не способен ограничить «смешанные конструкции» контекстом матричных предикатов речи.

3. Новые наблюдения

Решение проблемы мы видим в тщательном анализе феномена вложенной сферы действия аргумента матричного предиката и исчисления синтаксических конфигураций, в которых он наблюдается. Важнейшее новое наблюдение состоит в том, что лицензирование отрицательных местоимений и лицензирование прочих феноменов, требующих сферы действия во вложенной клаузе, таких как интенциональная интерпретация квантифицированных именных групп и дизъюнкции и лицензирование *нибудь*-местоимений, происходит в разных синтаксических контекстах. Отрицательные местоимения возможны не только при матричных предикатах речи (7), но и в других конфигурациях с контролем, например, при каузативных предикатах объектного контроля (8) и даже при имплицативных предикатах субъектного контроля (9).

(7) Я **просил** никого (/кого-нибудь) не выходить из помещения! [НКРЯ]

(8) Сладким угощением были блины и конфеты, а горячий чай **помог** никому (/кому-нибудь) не замерзнуть. [<https://lianozovo.mos.ru/presscenter/news/detail/2594309.html>]

(9) **Удалось** никому (/кому-нибудь) не разболеться.
[nashforum.1bb.ru/viewtopic.php?id=1149&p=3]

С другой стороны, прочие единицы со сферой действия в зависимой клаузе — квантифицированные и дизъюнктивные именные группы и *нибудь*-местоимения — имеют общие условия лицензирования и допустимы в одних и тех же синтаксических контекстах.

(10) Нас двое братьев — я и Густав. <...> Когда отец понял, в какую сторону дует ветер, он приказал **одному из нас** (/^{OK}кому-нибудь из нас / ^{OK}мне или Густаву) стать наци. [НКРЯ]

(11) Я попрошу **синьора или синьор** (/^{OK}кого-нибудь) вынуть одну из вилок... [НКРЯ]

Легко видеть, что эти контексты ограничиваются инфинитивными конструкциями с предикатами объектного контроля (ср. неграмматичную замену в (9)). Далее, среди матричных предикатов объектного контроля выделяется две семантических группы: предикаты речи (*просить, велеть, приказать, рекомендовать*) и каузативные предикаты (*вынудить, заставить, помочь, помешать*). В (Karttunen 1971: 357) английские аналоги этих предикатов противопоставляются по признаку имплицативности: каузативные предикаты являются имплицативными, то есть имплицитуют истинность (или ложность) ситуации,

описываемой зависимой клаузой (ср. *Отец вынудил меня уехать* → *Я уехал*), в то время как предикаты речи относятся к не-импликативным (из *Отец велел мне уехать* не следует с необходимостью ни *Я уехал*, ни *Я не уехал*). Именно предикаты речи оказываются совместимы с аргументами, имеющими сферу действия в зависимой клаузе; каузативные предикаты не допускают таких аргументов, ср. неграмматичность замены в (8).

Можно сделать и еще более тонкое наблюдение. Среди глаголов речи выделяется семантический класс глаголов, демонстрирующих конативную видовую альтернацию: в форме несовершенного вида они описывают речевое действие, являющееся попыткой каузации, а в форме совершенного вида — успешную каузацию. Это видовые пары *уговаривать* ~ *уговорить*, *упрашивать* ~ *упросить*, *умолять* ~ *умолить*, *соблазнять* ~ *соблазнить* и т.п. (интересно, что такая корреляция вида и импликативности в данном классе глаголов отмечается и для финского языка (Lauranto 2017)). Соответственно, при этих матричных предикатах адресат со сферой действия во вложенной клаузе возможен только в несовершенном виде, ср. (12).

(12) а. Рыжая тенью металась у стен, горьким плачем **умоляя** кого-нибудь помочь ее Мальчику. [НКРЯ]

б. * Она **умолила** кого-нибудь помочь ее Мальчику.

Таким образом, итоговая дистрибуция феноменов вложенной сферы действия аргумента матричного предиката по семантико-синтаксическим контекстам выглядит в соответствии с Таблицей 2.

Таблица 2.

Дистрибуция феноменов вложенной сферы действия

	Предикаты объектного контроля			
	Каузативные	Альтернирующие		Речи
		СВ	НСВ	
отрицательные местоимения	+	+	+	+
Прочие феномены:	—	—	+	+
— <i>нибудь</i> -местоимения	—	—	+	+
— квантиф. группы	—	—	+	+
— дизъюнкция	—	—	+	+
Пример	<i>вынудить</i> / <i>вынуждать</i>	<i>уговорить</i>	<i>уговаривать</i>	<i>советовать</i> / <i>посоветовать</i>

Учитывая выявленные нами содержательные обобщения о дистрибуции феноменов вложенной сферы действия, мы можем сформулировать основные положения, которые должны быть имплементированы в анализе. Во-первых, лицензирование отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия должно объясняться независимо друг от друга. Во-вторых, имплицитивные предикаты и предикаты речи проецируют инфинитивные конструкции с разными синтаксическими свойствами, и из синтаксической репрезентации этих различий должна следовать возможность либо невозможность феноменов вложенной сферы действия. В следующем разделе мы наметим анализ, который удовлетворяет этим требованиям.

4. Проспект анализа

Начнем изложение с анализа отрицательных местоимений, лицензируемых во всех конфигурациях с контролем (примеры (7)-(9)). Мы предполагаем, что отрицательные местоимения в этих контекстах представляют собой отрицательные плавающие кванторы, относящиеся к PRO инфинитивного оборота; PRO, в свою очередь, контролируется имплицитным аргументом в главной глаузе. Отрицательные плавающие кванторы ведут себя сходным образом с другими плавающими кванторами, такими как *сам, один, оба, каждый, все*, в отношении дистрибуции и падежных характеристик. Таким образом, предложению (6) мы сопоставляем структуру (13):

(13) Петя приказал *pro_i* [ср PRO_i никому_i сюда не заходить].

В пользу этого анализа говорят следующие факты. Во-первых, только такие отрицательные местоимения, которые могут выступать как плавающие, допустимы в инфинитивных конструкциях с контролем, ср. (14)-(15).

(14) Мы никто (/^{OK}ни один /*никакой ребенок) не заразились больше, а сколько людей умерло, Павличек, если б ты знал! [НКРЯ]

(15) Горячий чай помог никому (/^{OK}ни одному из нас /*никакому ребенку) не заболеть.

Во-вторых, падежные характеристики отрицательных местоимений в этих контекстах аналогичны таковым у плавающих определителей (Babby 1998): допустим либо приинфинитивный датив, либо падеж контролера, ср. (16)-(17).

(16) Из возраста девочки давно выросла, поэтому прошу *pro_i* — [PRO_i никому_i не провожать меня. [НКРЯ]

(17) Председатель попросил *pro_i* [PRO_i никого_i не обижаться]... [НКРЯ]

В-третьих, инфинитивный оборот образует составляющую, включающую отрицательное местоимение, что видно, например, при сочинении (18).

(18) Председатель велел *pro_i* [PRO_i запретить дверь] и [PRO_i никому_i не выходить].

Наконец, спорадически встречаются конструкции с фонологически выраженным адресатом в главной клаузе и отрицательным местоимением в инфинитивном обороте, такие как (19):

(19) Председатель велел нам_i [PRO_i никому_i не вставать].

Таким образом, отрицательные местоимения в конструкциях с контролем возможны всегда, когда инфинитивный оборот содержит отрицание; если аргумент матричного предиката при этом выражен нулевым анафорическим местоимением (*pro*), а падеж плавающего квантора совпадает с падежом нулевого аргумента в главной клаузе, создается видимость лицензирования отрицательного местоимения в позиции аргумента главной клаузы. В действительности, однако, отрицательное местоимение находится в инфинитивном обороте и лицензируется стандартным образом.

Иначе устроено лицензирование прочих феноменов вложенной сферы действия — *нибудь*-местоимений, квантифицированных и дизъюнктивных именных групп. Конфигурации, в которых они возможны, ограничиваются не-импликативными глаголами речи. Важнейшее наблюдение, на котором основывается наш анализ, состоит в том, что такие же семантические отношения между адресатом речи и содержанием речи обнаруживаются в императивных конструкциях с неопределенными вокативами — именными группами, используемыми как обращения, ср. (20).

(20) а. Врача! **Кто-нибудь**, вызовите «Скорую помощь»! [НКРЯ]

б. Эй, **Веков или кто-нибудь**, позвоните, пусть мне принесут сельтерской! [НКРЯ]

с. **Кто-нибудь**, да помогите уже ему!

[<https://pikabu.ru/profile/ilitp?scrollto=first&f=rating&page=15>]

Находясь вне императивной клаузы (что видно по просодической границе между обращением и императивом, а также по позиции императивных частиц, ср. (Aikhenvald 2010), (Espinal 2013)), неопределенные вокативы, тем не менее, находятся в сфере действия модальности императива; более того, неопределенные вокативы лицензируются только в контексте императивов и гортативов.

(21) **Кто-нибудь!** Давайте поговорим! Не дайте мне деградировать!

[http://www.liveinternet.ru/community/devka_c_palkoi/post5997233/]

Наш анализ опирается на указанную общность между императивными конструкциями и инфинитивными конструкциями с глаголами речи. Мы предполагаем, что прямые юссивные конструкции (императивы) и косвенные юссивные конструкции (вложенные инфинитивы с глаголами речи, директивы) обладают общими структурными характеристиками. Опираясь на многочисленные работы последних лет, посвященные

синтаксической репрезентации прагматических характеристик высказывания (Speas and Tenny 2003; Hill 2007, 2014; Haegeman and Hill 2013), мы считаем, что основные параметры речевого акта, включающие роли Говорящего и Адресата, кодируются в синтаксисе в виде прагматических проекций (saP / SAP) на левой периферии клаузы. Эти проекции присутствуют в независимом предложении, а также в некоторых косвенных речевых актах, и в частности, в инфинитивных конструкциях с глаголами речи. В инфинитивных конструкциях с каузативными предикатами эти проекции отсутствуют, вследствие чего они ведут себя отлично от конструкций с глаголами речи в отношении лицензирования феноменов вложенной сферы действия.

Лицензирование неопределенных вокативов и адресатов с вложенной сферой действия мы представляем себе следующим образом. В соответствии с анализом, предложенным в (Zanuttini 2008; Zanuttini, Pak and Portner 2012; Alcázar and Saltarelli 2014), мы рассматриваем императивы как расширенные глагольные проекции, вложенные под юссивную вершину, которая кодирует модальность, связанную с императивами, гортативами или промиссивами. Подлежащие императивов порождаются внутри глагольной области, как и обычные декларативные подлежащие; однако, в отличие от обычных подлежащих, они могут подниматься выше, в позицию Адресата речевого акта (Spec, SAP), за счет чего возникает возможность лицензирования неопределенных вокативов, находящихся в сфере действия императивной модальности (см. (22)).

(22) [_{saP}...[_{SAP} Addressee_i [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} Performer_i *v* [_{VP} ...]]]]]

Глаголы речи принимают структуру (22) в качестве клаузного компонента, образуя директивную конструкцию. Отличия во внутренней структуре между императивной и директивной конструкцией состоят в том, что императивы лицензируют номинатив подлежащего, в то время как директивы не способны приписать собственному подлежащему падеж. Соответственно, фонологически выраженное подлежащее инфинитивной клаузы может лицензироваться только функциональной структурой главной клаузы; при этом, однако, дополнение-адресат в главной клаузе должно быть имплицитным аргументом, поскольку в противном случае падежный потенциал функциональных вершин будет израсходован на него. Таким образом, лицензирование феноменов вложенной сферы действия в директивной конструкции происходит тогда, когда квантифицированная или дизъюнктивная именная группа, или *нибудь*-местоимение является подлежащим директивной конструкции и поднимается в позицию Адресата. Соответствующая структура представлена в (23).

(23) [_{VP} *v* [_{AppIP} Appl [_{VP} V [_{saP} ...[_{SAP} DP_i [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} ~~DP~~_i *v* [_{VP} ...]]]]]]]]]

Альтернативная структура (24) возникает, если подлежащее директивной конструкции выражено нулевым местоимением PRO, связанным логофорическим контролем (Landau 2015) с дополнением-адресатом в главной клаузе; в этом случае дополнение может быть фонологически выражено и всегда имеет широкую сферу действия по отношению к директивной модальности.

(24) [_{VP} ν [_{AppIP} (DP_i) Appl [_{VP} (DP_i) V [_{saP} ... [_{ForceP} JUSSIVE ... [_{VP} PRO_i ν [_{VP} ...]]]]]]]

Таким образом, намеченный нами анализ учитывает как отличия в способах лицензирования отрицательных местоимений и прочих феноменов вложенной сферы действия, так и отличия в структурных характеристиках инфинитивных актантов предикатов речи и других матричных предикатов. Важной особенностью анализа, позволяющей объяснить синтаксические свойства конструкций с предикатами речи, является допущение о синтаксической репрезентации параметров речевого акта. Это позволяет связать семантический класс матричного предиката со структурными характеристиками директивной конструкции.

Особый интерес представляет обнаруженная нами связь между имплицативностью и недопустимостью феноменов вложенной сферы действия, в том числе и у глаголов речи с конативной альтернативой. Мы предполагаем, что имплицативность исключает выражение каузируемого имплицитным аргументом, вследствие чего структура (23) оказывается нереализуемой не только при глаголах каузации, не подразумевающих функциональных проекций речевого акта, но и при глаголах речи.

Список литературы

- Бурукина И. С. (2017): О возможности подъёма подлежащего в русском языке. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017»*. Под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 34–44.
- Козинский И.Ш. (1985): Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке. *Типология конструкций с предикатными актантами*. Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 112–116.
- Летучий А.Б. (2018): *Подъём и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале интерпретации местоимений)*. Рукопись.
- Минор С.А. (2008): *Типология подъёма аргумента в конструкциях с сентенциальными актантами*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Интернет-ресурс. [URL:www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru), (дата обращения: 14.08.2018).

- Aikhenvald, A. (2010): *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press.
- Alcázar, A., Saltarelli, M. (2014): *The syntax of imperatives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Babby, L. (1998): Subject control as direct predication. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: the Connecticut Meeting*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 17–37.
- Bresnan, J. (1972): *Theory of Complementation in English Syntax*. Doctoral dissertation, MIT.
- Chomsky, N. (1973): Conditions on transformations. *A Festschrift for Morris Halle*, ed. by S. Anderson and P. Kiparsky. New York: Holt, Reinhart and Winston, 232–286.
- Chomsky, N. (1981): *Lectures on government and binding*. Dordrecht: Foris.
- Espinal, T. (2013): On the Structure of Vocatives. *Vocative!: Addressing between System and Performance*, ed. by B. Sonnenhauser and P. Noel Aziz Hanna. De Gruyter Mouton, 109–133.
- Haegeman, L., Hill, V. (2013): The syntactization of discourse. *Syntax and its limits*, ed. by R. Folli, C. Sevdali and R. Truswell. Oxford: Oxford University Press, 370–390.
- Hill, V. (2007): Vocatives and the Pragmatics–syntax Interface. *Lingua*, 117, 2077–2105.
- Hill, V. (2014): *Vocatives: How Syntax Meets with Pragmatics*. Leiden, Boston: Brill
- Hornstein, N. (1999): Movement and Control. *Linguistic Inquiry*, 30: 69–96.
- Karttunen, L. (1971): Implicative verbs. *Language*, 47, 340–358.
- Landau, I. (2015): *A two-tiered theory of control*. Cambridge (Mass.): MIT Press
- Lasnik, H. (1998): Exceptional case marking: Perspectives old and new. *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Connecticut Meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Snyder. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 187–211.
- Lasnik, H., Saito, M. (1991): On the subject of infinitives. *Papers from the 27th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, ed. by L. Dobrin, L. Nichols and R. Rodriguez. Chicago: Chicago Linguistic Society, 324–343.
- Lauranto, Y. (2017): The projected directive construction and object case marking in Finnish. *Eesti-ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*, 8(2), 155–190.
- Minor, S. (2011): *Control and ECM combined: An unusual control pattern in Russian*. Paper presented at CASTL Colloquium (Nov. 2011).
- Minor, S. (2013): Controlling the Hidden Restrictor: A Puzzle with Control in Russian. *Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society (NELS 42)*, ed. by S. Keine and S. Sloggett. Oxford: Oxford University Press,
- Postal, P. (1974): *On Raising*. Cambridge (Mass.): MIT Press.
- Rosenbaum, P. (1965): *The grammar of English predicate complement constructions*. Doctoral diss., MIT.

- Speas, P., Tenny, C. (2003): Configurational properties of point of view roles. *Asymmetry in grammar*, vol. I: *Syntax and semantics*, ed. by A. Di Sciullo. Amsterdam: Benjamins, 315–345.
- Stepanov, A. (2007): On the Absence of Long-Distance A-Movement in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, 15(1), 81–108.
- Zanuttini, R. (2008): Encoding the addressee in the syntax: Evidence from English imperative subjects. *Natural Language and Linguistic Theory*, 26, 185–218.
- Zanuttini, R., Pak, M., Portner, P. (2012): A syntactic analysis of interpretive restrictions on imperative, promissive, and exhortative subjects. *Natural Language and Linguistic Theory*, 30, 1231–1274.